

УДК 947.02; ББК 63.3(2)5; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.108>

С. В. Соколов

**«У ПРАВОСЛАВНЫХ ИМПЕРАТОРОВ ГРЕЧЕСКИХ
СЛЕ МНОГОКРАТНО БЫВАЛО»:
ВИЗАНТИЙСКИЙ ПРИМЕР
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ, ПАНЕГИРИЧЕСКИХ
И ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ
В РОССИИ (КОНЕЦ XVII – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII В.)***

В современном византиноведении особое место занимают так называемые пост-византийские исследования, начало которым было положено в блестящей монографии румынского историка Николае Йорги «Византия после Византии»¹. По аналогии с «длющимся Римом» можно говорить и о «длющейся Византии», проявившейся как в прямых претензиях на преемственность по отношению к захваченному «агарянами» Второму Риму, так и в политической культуре, титулатуре, символике и традициях, обнаруживаемых в разных точках православного мира в Новое время².

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020-0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

¹ *Iorga N.* Byzance après Byzance: Continuation de l'Histoire de la vie byzantine. Bucharest: Institut d'Etudes Byzantines, 1935.

² В современной историографии существует мнение, что «византинизация» истории дает возможность формирования единого исследовательского пространства в условиях «мобилизации Средневековья» для «национализации истории»: *Мартынюк А. В.* 1) «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 1. С. 152; 2) История Средневековой Руси: От политической инструментализации и консерватизма академической традиции к аксиологическому пониманию // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 27; *Филлюшкин А. И.* «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: Какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // *Quaestio Rossica*. 2017. № 2. С. 569–592.

© С. В. Соколов, 2022

В рамках пост-византийских исследований можно проанализировать, каким образом знание о византийской истории транслировалось в форме примеров в период, когда происходит разрыв с историографическими установками Московского царства XVI в. и на русской почве активно усваиваются идеи барочной культуры. Античные, византийские, библейские примеры широко применялись для объяснения политических событий, законоустановлений или событий истории. Пример или уподобление позволяли авторам, максимально экономя слова, донести свою оценку до читателя.

В последнее время ряд историков и литературоведов обратились к проблематике использования античной традиции в России XVIII в.³ Византийский пример в текстах рубежа XVII–XVIII вв. еще не стал предметом специального изучения, хотя имеется множество работ о византийском наследии в русской политической культуре и в юридической сфере. Одним из лучших трудов о привлечении византийских образцов принадлежит Б. А. Успенскому и В. М. Живову⁴. Рассматривая феномен обожествления монарха в России, ученые обращаются к византийскому опыту как к точке отсчета и находят возможным говорить о том, что сакрализация образа царя была обусловлена византизацией русской культуры при Алексее Михайловиче⁵.

Вывод о «византизации» русской культуры во второй половине XVII в. может показаться парадоксальным в свете научной традиции, отмечавшей европеизацию России и «латино-польский характер московской образованности» в этот период⁶, и обосновывающей наличие в Москве двух элитных групп: консервативных сторонников изоляционизма и прогрессивных западников, которым «суждено было победить»⁷. Однако в действительности латинизация и византизация не были противоречивыми процессами. Во второй половине XVII в. Россия активно впитывает установки барочной культуры, которые приобретают особое значение в образованной среде, проникают в литературу, искусство, школьное образование. Как отмечает в своей работе К. С. Диянов, «важной чертой барокко являлся его универсализм, не признававший

³ См., например: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991; Артемьева Т. В. Идея истории в России XVIII в. // Философский век: Альманах. Вып. 4. СПб., 1998; Кнабе Г. С. Русская античность. М., 2000; Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. СПб., 2005; Козлова М. И. Рецепция античности в исторической мысли XVIII века (опыт М. М. Щербатова): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; Бугров К. Д., Соколов С. В. Республика мечей или торговая республика? Российская историческая мысль XVIII – начала XIX в. о военной мощи республиканского Новгорода // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59/1. P. 93–116.

⁴ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 205–337. — См. также об отказе от византийских образцов (в пользу древнеримских): Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236–249.

⁵ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог... С. 257.

⁶ Подробнее см.: Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 208.

⁷ См., например: Панченко А. М. Два этапа русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 101.

политических и конфессиональных границ и подразумевавший наднациональность своих культурных проявлений»⁸.

Обратимся к вопросу, какие сюжеты и персонажи из истории Византии сохраняли значение в русской культуре на рубеже XVII и XVIII столетий. Для поиска ответа нами исследованы исторические и политические сочинения конца XVII – первой четверти XVIII в., комплекс панегириков, а также законодательные акты и бумаги Петра I.

Несколько слов необходимо сказать о терминологии источников этого периода. Византия была известна русским авторам в основном под наименованием «Греческое царство» или «монархия Греческая». Правители Византии назывались православными греческими или (в варианте 1673 г.) «благочестиво-греческими» царями⁹, иногда — императорами¹⁰. Значительную роль играют особенности авторского стиля. Если Бужинский византийских правителей именует императорами, то Феофан Прокопович добавляет прилагательное «константинопольский», понимая под ним всю Византию — «константинопольская история», «константинопольские цари», «константинопольские церемонии», «константинопольские императоры». У Феофана Прокоповича встречается уникальная для первой четверти XVIII в. форма — «Греко-Римская империя»¹¹. Большинство авторов определяет Византию как православную страну, и регулярно употребляют сочетание «греческая вера» для обозначения греческого православия¹².

Между тем, слова «Византия», «Византий», «византийский» отмечаются гораздо реже. Как и в самой средневековой Византии их в основном использовали в поэтических произведениях. Например, Феофан Прокопович в трагедокомедии «Владимир» описывал шествие «народа византийского», подразумевая военный отряд¹³. В стихотворном «Плаче Святыя Христовы Восточныя церкви», сочиненном Софронием Лихудом, упомянут «скипетр византийский», наследником которого автор провозглашает русского царя Петра¹⁴. Вероятно, определение «византийский» применяется не для обозначения Византии как государства, а используется как поэтизированное название Константинополя. Словосочетание «народ византийский» у Феофана Прокоповича

⁸ Диянов К. С. Полемика грекофилов и латинствующих в последней четверти XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. С. 200–201.

⁹ См., например: Лызлов А. И. Скифская история. Ч. II. М.: Тип. Компании типографической, 1787. С. 121, 139, 152; Михайловский И. Н. Важнейшие труды Николая Спафария (1672–1679 гг.). Киев: Тип. ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. С. 30–32; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1945. № 214. С. 156.

¹⁰ Этот термин использовал В. Н. Тагищев. В более раннюю эпоху он встречается в панегириках, например, у Гавриила Бужинского (*Петухов Е. В.* Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727) // Ученые записки Юрьевского ун-та. 1899. № 1. С. 352; *Тагищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 207).

¹¹ Подробнее см.: Духовный регламент. М.: Синодальная тип., 1804. С. 16; *Верховской П. В.* Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. Ростов-на-Дону, 1916. С. 20; *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л. 1961. С. 51, 124, 344.

¹² См., например: *Манкиев А. И.* Ядро российской истории. М.: Императорский Московский университет, 1770. С. 55.

¹³ *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 200.

¹⁴ *Рамазанова Д. Н.* Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов «Плач святыя Христовы Восточныя церкви» // Россия и христианский Восток. Вып. IV–V. М., 2014. С. 657.

означало то же самое, что и константинопольцы. В сочинении Лихуда вместе с упоминанием ряда местных константинопольских топонимов (Галата, Скутарь) стоит пояснение, что это «брези, которые суть против Византии, иде же суть палаты царя великого Константина». В стихах также названа и «византийская пристань»¹⁵. Понятие «империя Византийская» в 1720–1730-е гг. можно было встретить в ученых трудах, например, у Готлиба Байера¹⁶. Однако в большинстве случаев его *Byzantium* — это Константинополь¹⁷.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В конце XVII – первой четверти XVIII в. история «Греческого царства» — Византии, с одной стороны, была доступна для изучения по различным редакциям Хронографа, с другой — была известна достаточно фрагментарно. Во второй половине XVII в. Россия переживала всплеск интереса к византийской истории. Сразу несколько новых текстов — «Книга Василиологион», «Арифмология», «Хрисмологион», «Вертоград многоцветный», создававшиеся Николаем Спафарием, Петром Долговым и Симеоном Полоцким — включали информацию о византийских императорах¹⁸, появлялись объемистые оригинальные произведения — например, «Скифская история» А. И. Лызлова, вторая часть которой посвящена падению Византии¹⁹. В 1680 г. в Москве отпечатан «Тестамент к сыну своему Льву», который приписывался императору Василию I Македонянину²⁰. Этот текст, известный еще в средневековой Руси, теперь оказался в библиотеках многих представителей элиты, в том числе у Петра Великого²¹. В петровской библиотеке находилась печатная «История... о взятии Константинополя»²², изданная за период его правления трижды. Существовал и ряд других сочинений — «Сказание о Льве Мудром»²³, переводные труды византийских авторов. Все они оказывались в дворцовой и частных библиотеках²⁴.

¹⁵ Подробнее см.: *Рамазанова Д. Н.* Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов... С. 657. — Ср., например, с более поздним описанием в «Ежемесячных сочинениях»: «На одной стороны их оных находится греческой древней город Византи» ([*Прокудин-Горский М. И.*] Письма или уведомление в Москву, бывшего в Константинополе в 1760 году дворянином посольства лейб-гвардии Преображенского полку сержанта М. П. // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Июль. С. 80).

¹⁶ *Байер Г. З.* Сочинение о варягах / Пер. К. Кондратовича. СПб.: Имп. Академия наук, 1767. С. 28.

¹⁷ Данное пояснение можно встретить в печатном издании, где русский переводчик отмечает в скобках «в Византии (в Константинополе)» (*Bayer T. S.* 1) *De Venere Cnidia // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis. 1735. T. 4. P. 268; 2) De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis. 1735. T. 4. P. 284; Байер Г. З.* Сочинение о варягах... С. 15).

¹⁸ См.: *Белоброва О. А.* Мотив «Римские кесари» — правители Византии в древнерусской литературе в последней трети XVII в. // *Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI международному конгрессу византинистов.* М., 1982. С. 234–239.

¹⁹ *Лызлов А. И.* Скифская история. Ч. II. М., 1787.

²⁰ [*Псевдо-Василий I Македонянин*]. Тестамент к сыну своему Льву Философу. М.: Тип. Верхняя, 1680.

²¹ Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л., 1978. С. 61.

²² Библиотека Петра I. С. 71.

²³ См. подробнее: *Курбатов Г. Л.* История Византии (историография). Л., 1975. С. 45–48.

²⁴ См.: Библиотека Петра I. С. 25, 31, 75.

Как использовались эти сочинения? Очевидно, византийский пример постоянно привлекался в духовных текстах и был привычен для духовенства. Именно церковь затронула в первую очередь отмеченная В. М. Живовым и Б. А. Успенским византизация эпохи Алексея Михайловича. В петровское время коллегиальный орган управления церковью получил наименование по греческому образцу — Синод, когда более привычным для Русской церкви являлся «Собор»²⁵ или даже церковнославянский гречизм «сигклит» — синклит.

В светской жизни византийская история была маргинальным сюжетом. Тем не менее, нередко с помощью духовных лиц она проникала и в светские законоустановления. Характерным примером является «Устав морской». Предисловие, составленное совместно Петром I и Феофаном Прокоповичем, давало обзор ранней истории русского флота и первых походов на Византию. Среди прочего в нем утверждалось, что греки были весьма искусны в морском деле, а Владимиру Святославичу ставилось в вину, что он не смог «дело корабельное перенять»²⁶.

Еще более выразительные примеры есть в «Правде воли монаршей», опять же написанной Феофаном Прокопович. Он обращает внимание на правителей, выбиравших наследников по своей воле. Среди византийских императоров упомянуты: Константин Великий, Феодосий Великий, Лев I, Юстин, Юстиниан, Лев VI Мудрый, Исаак Комнин и другие. Феофан находит подобие в Византийской и в российской истории. Например, разделение государства князем Владимиром Святославичем он соотносит с аналогичными разделами Константина Великого и Феодосия Великого. Форму правления в Византии, когда «не наследный скипетр содержится», а правитель избирает себе наследника, Феофан сопоставляет с существующим после Указа о престолонаследии положением в России²⁷.

Законодательство Петра I имеет и другие случаи обращения к византийскому примеру. Возможно, Петр был самым заинтересованным в истории Византии государственным деятелем своего времени. Один из наиболее ярких случаев — это «Манифест о короновании Екатерины» (1723). «Во всех христианских государствах, — сказано в манифесте, — непременно обычай есть потентатам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и древле у православных императоров греческих сие многократно бывало, именно: император Василиск супругу свою Зиновию, император Юстиниан супругу свою Люпицию, император Иракий супругу свою Мартинию, император Лев Премудрый супругу свою Марию императорским венцом короновали»²⁸. Обращение именно к истории Византии здесь отнюдь не случайно, поскольку, как будет показано ниже, принятие самим Петром императорского титула также имело византийские коннотации.

²⁵ В манифесте Петра об учреждении Духовной коллегии нет слова «Синод», а в качестве пояснения царь называет новый орган «Духовное Соборное правительство» (см.: Духовный регламент. С. 2).

²⁶ Книга Устав морской. СПб.: В Санктпетербургской тип., 1720. С. 2.

²⁷ Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. СПб.: [б. и.], 1722. С. 28.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. VII. № 4366. С. 161.

РУССКИЕ ЦАРИ КАК ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Особым признанием пользовались императоры, правившие на стыке античного и византийского периодов — Константин Великий и Феодосий Великий. Оба правителя Константинополя почитались за свою роль в утверждении христианства: Константин как первый равноапостольный император-христианин, а Феодосий как утвердитель никейского символа веры, борец с ересями и противник язычества. Именно Константина и Феодосия как пример монархов, исповедующих свои грехи перед Богом, вспоминает Феофан в «Слове о власти и чести царской»²⁹.

Сравнение российских царей и императоров IV в. было распространено среди греческого духовенства³⁰. В книге «Хрисмологион», переведенной на русский язык Николаем Спафарием, Алексей Михайлович назван на византийский манер «тишайшим государем, державнейшим кесарем, непобедимым августом»³¹. В историографии высказывались предположения, что Алексей, вдохновленный придворными писателями, и сам отождествлял себя с Константином, предпринимая аналогичные шаги в государственной деятельности: он выписывает из Константинополя диадему, державу и крест, сделанные по образцу регалий Константина, вносит изменения в чин венчания и дает старшему сыну титул «Великого государя»³².

Петра I, как и его отца, также часто сравнивали с императором Константином. Вопрос об отождествлении правителей рассмотрен в работе В. М. Живова³³. Многочисленные параллели между Петром и Константином, очевидно, были не только данью традиции. На материале панегирических речей, богослужебных слов и описаний нескольких триумфов ученый показал, что ключевой для авторов панегириков аналогией являлись светское и церковное единоначалие двух императоров (о чем неоднократно писал Феофан Прокопович³⁴), а также военные успехи русского царя. Особый повод для аналогии давало то, что оба стали создателями новой столицы³⁵. Константин Великий в глазах православного интеллектуала обладал особой харизмой основателя христианской империи и единодержавного повелителя. Между тем, если выйти за пределы круга панегирических по отношению к Петру текстов, то можно обнаружить, что имя

²⁹ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 81.

³⁰ Ченцова В. Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658. Документы. М., 2004. С. 18–19.

³¹ См.: Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С. 175.

³² См., например: Вилинбахов Г. В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 51; Живов В. М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. Т. III. М., 1996. С. 546–547. — Об уподоблении Алексея Михайловича и Петра I императору Константину и о мотиве освобождения Царьграда у Симеона Полоцкого см. также: Ранчин А. М. К истолкованию теории «Москва – Третий Рим» в русской культуре Нового времени // Россия XXI. 2012. № 6. С. 36–40.

³³ Живов В. М. Культурные реформы... С. 545–549.

³⁴ Духовный регламент. С. 16; Феофан Прокопович. Сочинения. С. 127, 138.

³⁵ См., например: Чистович И. А. Неизданные проповеди Стефана Яворского // Христианское чтение. 1867. Ч. I. С. 266; Феофан Прокопович. Сочинения... С. 55, 127; Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М., 2009. С. 53–54.

Константина Великого иерархи церкви могли использовать и для осуждения политики Петра I. Например, митрополит Иов в послании 1713 г., жалуясь на вмешательство светской власти в хозяйственное управление церковью, утверждал, что в правление «великого Константина» было иначе: тиуны духовных лиц помогали советом светским чиновникам³⁶.

Петр отслеживал панегирические сравнения с Константином Великим. В 1724 г. он приказал «внести в Гисторию (Северной войны. — С. С.) ... все поздравления и приветствия, которые чинены были во время триумфальных входов Е. В. в Москву от преосвященного резанского Стефана митрополита, також от учителей Латинской и Греческой школ, о чем приискал и прислал в Кабинет, но и поныне оных не прислано»³⁷. Неизвестно, попали ли в конечном итоге в руки Петра речи митрополита Стефана (Яворского), но панегирики Феофана Прокоповича и братьев Лихудов, в которых как раз Петр и отождествлялся с Константином, точно отложились в библиотеке царя³⁸.

Отождествление Петра и Константина давало дополнительные основания возникшей ранее идее о том, что российскому царю следует изгнать из Константинополя турок и восстановить Греческую империю (либо присоединить ее земли к своему православному царству). Историческим контекстом этой идеи стали победа под Азовом и Прутский поход. Литературную основу составляли византийские пророчества, известные благодаря греческим монодиям и их интерпретации русскими источниками³⁹. В первой половине 1711 г. Петру был поднесен сочиненный Софронием Лихудом «Плач святыя Христовы Восточные церкви», где к дежурному уподоблению Константину Великому добавлено «проречение» о том, что Петр «сядет на престоле великаго святаго Константина, его ж монаршество до онаго края от едина»⁴⁰. Риторическое сопоставление в дальнейшем превратится в апологетической историографии в сравнительное жизнеописание двух монархов. Таковы были сочинения П. Н. Крекшина (1759) и И. И. Голикова (1790-е гг.)⁴¹.

Помимо Петра I очевидными фигурами для сопоставления с Константином Великим были крестивший Русь князь Владимир Святославич и Александр Невский. Владимир не часто появлялся в историко-политических трактатах или панегириках. Но следует упомянуть трагедокомедию Феофана Прокоповича «Владимир», где прямо говорится, что «Владимир... равен Константину»⁴². Это сопоставление, как и соотнесение княгини Ольги и матери Константина христианки Елены, уходит корнями в Средневековье. В аналогиях между Константином и Александром Невским⁴³ на первый план выходил мотив воинской доблести.

³⁶ «Москва и Новгород едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII – начала XVIII в. Великий Новгород, 2009. С. 19.

³⁷ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. № 204. С. 149.

³⁸ Библиотека Петра I. С. 33, 50, 90.

³⁹ Об этом см.: *Рамазанова Д. Н.* Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов... С. 652.

⁴⁰ *Рамазанова Д. Н.* Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов... С. 652.

⁴¹ *Голиков И. И.* Сравнение свойств и дел Константина Великого, первого из римских христианского императора, с свойствами и делами Петра Великого, первого всероссийского императора. М.: Тип. П. Бекетова, 1810. — См. также: *Кротов П. А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 33.

⁴² *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 168.

⁴³ См.: *Петухов Е. В.* Проповеди Гавриила Бужинского... // Ученые записки Юрьевского университета. 1900. № 4. С. 520.

Интересно, что Софья Алексеевна, занявшая русский престол в 1682 г., не удостоилась сравнения с Еленой. Однако для нее придворным поэтом Сильвестром Медведевым была подобрана другая, гораздо более изящная аналогия из ранневизантийской истории. Софья уподоблялась Пульхерии (V в.), являвшейся регентом при своем младшем брате императоре Феодосии II. Пульхерия, как и Софья, «не токмо в гражданских делах пособствовала брату своему царю Феодосию, но и всей церковной православной полноте на третьем и четвертом соборах, яко истинная церкви святых дщерь, помощь и пособие творила»⁴⁴.

ИМПЕРИЯ В РОССИИ — ПОДРАЖАНИЕ РИМУ, СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ИЛИ ВИЗАНТИИ?

В 1722 г. Петр I принимает новый титул, состоявший из трех частей: «Отец Отечества, Петр Великий и Император Всероссийский». Утверждая императорский титул, Петр и политическая элита России могли ориентироваться на три примера: Римскую империю, ее наследницу Византию и Священную Римскую империю. Какой из этих примеров сыграл ведущую роль? Исследователи дают разные ответы: от предположения, что это было подражанием габсбургскому императору, означало «обесценивание идеи византийского наследия»⁴⁵ и призвано показать «смену культурной ориентации — от византийской к европейской модели»⁴⁶, до утверждения непосредственного следования позднеантичному канону⁴⁷.

Для того чтобы разобраться, какая из трех империй выступила образцом, следует решить два вопроса: кто являлся инициатором принятия нового титула и какие смыслы вкладывались в этот акт? Ответ как будто содержится в Прощении Петру I от сенаторов, где упоминается пример «римского и греческого народов», Протоколах заседаний Святейшего Синода, отразивших процесс согласования титула между высшими органами власти, в речи канцлера Г. И. Головкина на церемонии в Троицком соборе 22 октября 1722 г. и специальной реляции, опубликованной 1 ноября⁴⁸. Из протоколов не ясно, кто персонально был автором идеи, сказано лишь, что 18 октября «Святейший Правительствующий Синод имели секретное рассуждение о славных и великолепных Царского Пресветлаго Величества делах и неусыпных трудах и руководствах...» и «возомнили за благо всеподданейше молить Его Царского Величества, дабы благоволил милостиво прияти титул»⁴⁹. Самым активным членом Синода в процессе подготовки акта принятия нового титула являлся архиепископ Псковский Феофан Прокопович:

⁴⁴ Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 86.

⁴⁵ См., например: Агеева О. Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII в. // Мир истории. 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата посещения — 31.08.2021).

⁴⁶ Успенский Б. А. Петр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3. М.; СПб., 2014. С. 213.

⁴⁷ Подробнее см.: Живов В. М. Культурные реформы... С. 548–549.

⁴⁸ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. № 212. С. 155. — Подробнее об источниках см.: Агеева О. Г. Титул «император»... (URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm>).

⁴⁹ Протоколы заседаний Св. Синода, особенно и общего с Сенатом, о поднесении царю Петру Алексеевичу титула Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 6. СПб., 1868. Прил. XLII. С. CCCCLII.

он присутствует на секретном заседании Синода и получает задание провести переговоры с Сенатом, а затем участвует в согласовании вопроса с царем. Формальную процедуру поднесения Петру I нового трехчастного титула должен был вести вице-президент Синода архиепископ Новгородский Феодосий Яновский.

Феофан Прокопович имел все необходимые компетенции, чтобы предложить и обосновать новый титул. Не меньшую роль мог сыграть присутствовавший на заседаниях Синода архимандрит Ипатьевского монастыря Гавриил Бужинский, который в торжественных речах очень часто использовал титул «император» применительно к Петру. «Благочестивейший император наш», «император Петр Первый», «император премилостивый» — так обращался Гавриил к царю задолго до 1721 г.⁵⁰ Отметим, этим титулом неформально наделяли царя и другие его сподвижники — как духовные, так и светские⁵¹. Однако именно Гавриил в панегириках неоднократно называл Петра не только императором, но и «Отцом Отечества»: дважды в «Слове в похвалу Санкт-Петербурга», в двух «Словах» по поводу годовщин победы у Гангута и в нескольких других случаях (рассмотрены панегирики 1717–1721 гг.)⁵². Более того, Гавриил, кажется, единственный из составителей панегириков обращается к Екатерине «Матерь Российского Отечества»⁵³. Скорее всего, называя Петра «Отцом Отечества», Гавриил делал отсылку не столько на классическую античность, сколько на императора Константина (также носившего титул «Отец Отечества»), с которым сравнивали Петра.

Если допустить, что Синод и сам Петр уподобляли императора Всероссийского первым императорам Восточной Римской империи Константину и Феодосию, то становится понятнее, почему, несмотря на византийскую аналогию, не возникает диссонанса при использовании латинского термина. Греческий титул «василевс» становится официальным в Византии только в середине VII в., до этого византийские правители титуловались на латинском — «imperator Caesar»⁵⁴. Хорошо знакомые с латинской и греческой традициями инициаторы принятия императорского титула Феофан и Гавриил должны были знать об этом.

⁵⁰ См., например: *Гавриил Бужинский*. Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого. СПб., 1717 (без пагинации). URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/slovo-v-pohvalu-sanktpeterburga-i-ego-osnovatelya-gosudarya-imperatora-petra-velikogo> (дата посещения — 31.08.2021). — Подробнее см.: *Петухов Е. В.* Проповеди Гавриила Бужинского... // Ученые записки Юрьевского университета. 1899. № 1. С. 231, 335.

⁵¹ Этот факт неоднократно отмечался в литературе. Примеры употребления см.: *Феофилакт Лопатинский*. Политиколепная Апофеосис. М.: [б. и.], 1709 (титульный лист); *Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел. СПб.: [б. и.], 1717. С. 1; *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 144.

⁵² См.: *Гавриил Бужинский*. Слово в похвалу Санкт-Петербурга... (URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/slovo-v-pohvalu-sanktpeterburga-i-ego-osnovatelya-gosudarya-imperatora-petra-velikogo>); *Петухов Е. В.* Проповеди Гавриила Бужинского... // Ученые записки Юрьевского университета. 1898. № 2. С. 68; 1899. № 1. С. 353; 1900. № 3. С. 443. — Феофан также употреблял титул «отец отечества» по отношению к Петру в своих речах, но реже (см.: *Феофан Прокопович*. Сочинения. С. 26, 63).

⁵³ *Петухов Е. В.* Проповеди Гавриила Бужинского... // Ученые записки Юрьевского университета... 1900. № 4. С. 479.

⁵⁴ *Успенский Б. А.* Петр Первый... С. 220.

Однако были ли императоры Константин и Феодосий византийскими? Не справедливее ли считать их римскими, а в принятии императорского титула видеть подражание римскому образцу? Действительно, в петровскую эпоху римские аллюзии и практики играли важную роль⁵⁵. Но когда для российских интеллектуалов конца XVII – начала XVIII в. заканчивалась история Рима и начиналась история Византии? Если на Западе со времен гуманистов еще держалась историографическая традиция, не проводившая грани между классическим Римом и его преемницей Византией⁵⁶, то в России четко знали, что водораздел между историей античного Рима и историей православной Константинопольской империи проходит по времени правления Константина Великого. Симеон Полоцкий в «Вертограде многоцветном» писал: «Сей Константин Великий егда воцарися, Тогда имя Христова велми прославися... Созда Константинополь и в нем водворися, И тако на Востоце царство сотворися»⁵⁷. В оглавлении труда Симеона отдельно указаны цари «Рима ветхаго» (языческого) и «Рима новаго» (христианского). Так же и у Гавриила Бужинского в одной из речей все римские императоры разделены на языческих и христианских⁵⁸. Интересно, что Гавриил приводит «девизы» императоров, которые, по-видимому, были позаимствованы из переводной «Арифмологии» Николая Спафария⁵⁹. Последний в своем сочинении «Хрисмологион» делил всех царей на «римских, римляно-греческих христианских и римско-германских»⁶⁰. Подобное разделение языческой (античной) и христианской (византийской) Римской империй можно увидеть и в законодательных актах петровской эпохи⁶¹. Таким образом, современники могли прочитывать императорский титул как подражание христианской Греческой империи, то есть Византии⁶².

ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

Пожалуй, самый убедительный аргумент в пользу того, что принятие императорского титула имеет символические связи с Византией, дает речь самого Петра I, произнесенная им в Троицком соборе сразу после окончания церемонии. Петр лично готовил речь, сохранились его собственноручные тезисы⁶³. Новонареченный император призвал собравшихся не предаваться «роскоши и сладости» после заключения Ништадтского мира, «экзерцицию или употребления оружия на воде и на земле» не прекращать,

⁵⁵ См.: Агеева О. Г. Титул «император»... (URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm>); Живов В. М. Культурные реформы... С. 548.

⁵⁶ См.: Курбатов Г. Л. История Византии... С. 18.

⁵⁷ Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 3. Köln; Weimar; Wien, 2000. С. 519.

⁵⁸ См.: Петухов Е. В. Проповеди Гавриила Бужинского... // Ученые записки Юрьевского ун-та. 1899. № 3. С. 353.

⁵⁹ Ср.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 108–124.

⁶⁰ Подробнее см.: Белоброва О. А. Мотив «Римские кесари»... С. 235.

⁶¹ См.: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. № 3. С. 31–32; № 229. С. 179.

⁶² В актуальной внешнеполитической практике понятие «Империя» было прочно закреплено за Священной Римской империей, что отразилось в дипломатической и личной переписке (см.: Редин Д. А., Серов Д. О. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. No. 2. С. 481–495). Однако принятие титула было не только актом реальной политики, но и символическим актом, что подразумевало больше исторических смыслов.

⁶³ Подробнее см.: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. № 213. С. 156.

«но оно б всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которые чрез такое нерачителство весьма разорились, между которыми приклад Греческого государства, яко с собою единовѣрных, ради своей осторожности пред очми бы имели, которое государство от того и под турецкое иго пришло...»⁶⁴ Как кажется, Петр не случайно обратился к опыту Византии: принимая титул императора, он держал в голове печальную судьбу Греческой империи и нашел необходимым прочесть своим сподвижникам политическую нотацию.

В историографии сложился образ «Петра-технократа», однако на самом деле царь живо интересовался историей, был начитан и заботился о переводах исторических трактатов больше, чем, например, юридических⁶⁵. Существует гипотеза, что идею крушения Греческой империи из-за военной слабости греков Петр почерпнул из сочинения Ивана Пересветова⁶⁶. Так это или нет, но Петр в любом случае рвет с предшествующей хронографической традицией, объяснявшей гибель Византии в духе средневековой историографии наказанием за грехи. Более того, царь проводит в своей речи и дополнительные параллели с российской историей: на Руси «издревле храбрые люди были, но потом нерадением и слабостию весьма от обучения воинского было отстали»⁶⁷. Сюжет с падением Константинополя был для Петра важным: как отмечалось в историографии, царь и ранее обращался к нему в своих записках, связывая «греческое падение» с «презрением» войны⁶⁸. Была у Петра и параллельная версия: Византия погибла от небрежения чиновниками своих обязанностей и неисполнения указов. Интересно, что царь писал об этом в «Должности Сената» (1718)⁶⁹, указа, реформировавшего Сенат — еще один орган, в котором можно увидеть не только римские, но и византийские коннотации.

Вероятно, императорский титул не был претензией на продолжение истории погибшей Византии, но метафорически возвращал российскую историю к начальной точке истории Византии с надеждой на иной финал. Претендовал ли в таком случае Петр на Константинополь? Как отмечено Н. П. Чесноковой, «образы Нового Константина и царя-освободителя [Константинополя от власти турок] нашли свое отражение в личности Алексея Михайловича»⁷⁰. В период принятия титула Императора Всероссийского Петр не высказывал официальных претензий на обладание Константинополем, однако противостояние с турками было для него давним и принципиальным делом. После взятия Азова в России и за ее рубежами были созданы панегирические произведения, напрямую призывавшие русского царя не останавливаться и освободить Грецию⁷¹. В апреле 1697 г., во время пребывания Петра в Митаве, ему и членам Великого посольства был поднесен панегирик, написанный местным придворным поэтом Христианом Борнманном. В панегирике, составленном на трех языках, Петр именовался

⁶⁴ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. № 214. С. 159.

⁶⁵ Об этом см.: Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург, 2016. С. 100–102.

⁶⁶ См.: Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 240–241.

⁶⁷ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. № 214. С. 159.

⁶⁸ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. № 78. С. 78; Погосян Е. А. Петр I... С. 229.

⁶⁹ Об этом см.: Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. № 334. С. 288.

⁷⁰ Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия... С. 172.

⁷¹ Панегирическая литература петровского времени: Исследования и тексты. М., 1979. С. 14.

«автократором» (по-гречески) и «кесарем» (по-латински), его призывали к продолжению войны с турками: «Константинополь с Тартариею возьми победителю, И греческий вышшим именем цесарь будеши»⁷².

В 1710 г. в Амстердаме в русском переводе Петра Беклемишева была издана речь члена Берлинского научного общества, македонянина Анастасия Наузиуса. Он развивал тему освобождения греков от турецкого господства с помощью русского царя. Петр уподобляется христианским монархам Константину, Феодосию, Юстиниану. «Да подаст вышний Бог, писал Наузиус, дабы Греция, оная мать всех наук возвратилась в свое состояние и дабы всегда цвели в оной славе и хвале православнейшаго, храбрейшаго Филеллина, православнаго церкви протектора и великаго императора, царя Петра Алексеевича, нашего премилостивейшаго государя!»⁷³ Речь была издана именно в тот момент, когда началась очередная русско-турецкая война, где Петр рассчитывал одержать решительную победу. Однако поражение в Прутском походе не дало развернуться теме «русский царь — Константинопольский император». Тема актуализировалась в царствование Анны Иоанновны, во время новой русско-турецкой войны. В основе многих панегириков аннинского времени лежит идея «освобождения христиан от иноверных»⁷⁴, хотя титул уже и не играл значимой роли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на определенное разнообразие представленных сюжетов, общий вывод о месте византийских примеров в России конца XVII – первой четверти XVIII в. однозначен: они явно уступают по популярности античным и библейским. Панегирическая литература эпохи Петра I и вирши, зачитывавшиеся на триумфальных торжествах в честь побед царя, чаще всего отождествляли его с античными правителями (Александром Македонским, царем Дарием и т. д.) или античными богами, а не с византийскими императорами. Более того, древнегреческая и древнеримская образность, хотя и вполне понятная русским элитам уже с конца XVII в., уступала по популярности библейским сюжетам⁷⁵.

Барочный универсализм способствовал возникновению причудливых комбинаций западноевропейских (часто полученных через польское посредство) и греческих (византийских) идей. В этом состояло своеобразие историко-политической идейной сферы конца XVII – первой четверти XVIII в. В дальнейшем универсалистские импульсы барокко ослабевают, и во второй половине XVIII в. сменяются историко-философским дискурсом эпохи Просвещения. Интересно, что так называемый «греческий проект» Екатерины II не ограничивался византийской образностью. Императрица во множестве использовала древнегреческие отсылки. В этом видится значительное западноевропейское влияние⁷⁶.

Тем не менее, византийский пример сыграл определенную роль в русской культуре. На рубеже XVII–XVIII вв. он выступил связующим звеном между культурой

⁷² Цит. по: Кузнецова О. А., Ченцова В. Г., Шамин С. М. Русские переводы элогиума Христиана Борнманна: Великое посольство Петра I и литература // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 113, 122–123.

⁷³ Цит. по: Панегирическая литература... С. 10.

⁷⁴ Алексеева Н. Ю. Русская ода... С. 298.

⁷⁵ Панегирическая литература... С. 20–21.

⁷⁶ Алексеева Н. Ю. Русская ода... С. 298.

Московского царства и новой Российской империи. Ранневизантийская история, которая на Западе считалась позднеантичной, снабжала русских авторов устойчивыми образами, позволявшими объяснить очень разные политические акты — от принятия титула императора до нового порядка престолонаследия. Парадоксальным образом роль медиатора, сыгранная Византией в русской культуре, близка ее реальной исторической роли.

Информация о статье

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020-0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

Автор: Соколов, Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, заведующий кафедрой истории России, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, Orc ID 0000-0002-2647-7355, Scopus ID 57216872858, SPIN-код 4691-5112; e-mail: srg.sokolov@gmail.com

Заголовок: «У православных императоров греческих сие многократно бывало»: византийский пример в законодательных актах, панегирических и историко-политических сочинениях в России (конец XVII – первая четверть XVIII в.)

Резюме: В статье рассматривается использование примеров из византийской истории для объяснения текущих и исторических событий в России в конце XVII – первой четверти XVIII в. Использование исторического примера для пояснения смысла описываемых событий является одной из наиболее распространенных экспланационных стратегий. Источниковую базу исследования в основном составляют панегирическая литература, законодательные акты, законоподготовительные документы, сочинения исторического и политического характера. История Византии была хорошо известна в России в конце XVII в., однако частотность примеров из византийской истории намного уступала библейским и античным. В статье показано, что на рассматриваемом хронологическом промежутке Византия была известна русским авторам в основном под наименованием «Греческое царство», отсчет истории которого шел с эпохи императора Константина I Великого. Имя этого императора и других императоров ранней Византии (позднего Рима) чаще всего упоминалось в качестве примера в текстах конца XVII – первой четверти XVIII в. В статье проанализировано использование византийских сюжетов из византийской истории для пояснения законодательных актов, выстраивания исторических аналогий для русских царей (в первую очередь, Петра I), роль византийского примера в ситуации принятия Петром императорского титула, а также использования сюжета, связанного с падением Византии, в качестве политической нотации.

Ключевые слова: Византия, Петр I, барокко, империя, законодательство, панегирики, византийское культурное влияние, исследования средневековья, история культуры

Литература, использованная в статье:

Агеева, Ольга Гениевна. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII в. // Мир истории. 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата посещения — 31.08.2021).

Алексеева, Надежда Юрьевна. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. Санкт-Петербург: Наука, 2005. 369 с.

Артемьева, Татьяна Владимировна. Идея истории в России XVIII в. // Философский век: Альманах. Вып. 4. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. 267 с.

Белоброва, Ольга Андреевна. Мотив «Римские кесари» — правители Византии в древнерусской литературе в последней трети XVII в. // Византийские очерки: Труды советских ученых к XVI международному конгрессу византинистов. Москва: Наука, 1982. С. 234–245.

Бугров, Константин Дмитриевич; Киселев, Михаил Александрович. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург: Уральский университет, 2016. 480 с.

Бугров, Константин Дмитриевич; Соколов, Сергей Васильевич. Республика мечей или торговая республика? Российская историческая мысль XVIII – начала XIX в. о военной мощи республиканского Новгорода // Cahiers du Monde Russe. 2018. Vol. 59/1. P. 93–116.

- Буланин, Дмитрий Михайлович. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991. (Slavistische Beiträge. Bd 278). 468 с.
- Вилинбахов, Георгий Вадимович. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский гос. университет, 1984. Вып. 18. С. 46–55.
- Диянов, Константин Сергеевич. Полемика грекофилов и латинствующих в последней четверти XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. 243 с.
- Живов, Виктор Маркович. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. Т. III. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 527–583.
- Живов, Виктор Маркович; Успенский, Борис Андреевич. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский, Борис Андреевич. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 205–337.
- Зорин, Андрей Леонидович. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- Кнабе, Георгий Степанович. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 240 с.
- Козлова, Мария Игоревна. Рецепция античности в исторической мысли XVIII века (опыт М. М. Щербатова): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 218 с.
- Кротов, Павел Александрович. Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2006. 160 с.
- Кузнецова, Ольга Александровна; Ченцова, Вера Георгиевна; Шамин, Степан Михайлович. Русские переводы элогиума Христиана Борнманна: Великое посольство Петра I и литература // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 111–125.
- Курбатов, Георгий Львович. История Византии (историография). Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. 256 с.
- Латто-Данилевский, Александр Сергеевич. История русской общественной мысли XVII–XVIII вв. Москва: Наука, 1990. 292 с.
- Лотман, Юрий Михайлович; Успенский Борис Андреевич. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. Москва: Наука, 1982. С. 236–249.
- Николози, Рикардо. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика / Пер. с нем. М. Н. Жаровой; Под ред. К. А. Богданова. Москва: Языки славянской культуры, 2009. 216 с.
- Мартынюк, Алексей Викторович. История Средневековой Руси: От политической инструментализации и консерватизма академической традиции к аксиологическому пониманию // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 25–38.
- Мартынюк, Алексей Викторович. «Великий раскол» восточнославянской медиевистики: Семь тезисов к дискуссии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 1. С. 146–153.
- «Москва и Новгород едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII – начала XVIII в. / Сост., вступ. ст., комм. Анисимова, Евгения Викторовича. Великий Новгород, 2009. 231 с.
- Панегирическая литература петровского времени: Исследования и тексты / Изд. подгот. Гребенюк, Василий Петрович; под ред. Державиной, Ольги Александровны. Москва: Наука, 1979. 313 с.
- Панченко, Александр Михайлович. Два этапа русского барокко // Труды Отдела древнерусской литературы. Ленинград, 1977. Т. 32. С. 100–106.
- Погосян, Елена Анатольевна. Петр I — архитектор российской истории. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2001. 424 с.
- Рамазанова, Джамили Нуровна. Сочинения Иоанникия и Софрония Лихудов «Плач святыя Христовы Восточные церкви» // Россия и христианский Восток. Вып. IV–V. Москва: Языки славянской культуры; Знак, 2014. С. 648–659.
- Ранчин, Андрей Михайлович. К истолкованию теории «Москва – Третий Рим» в русской культуре Нового времени // Россия XXI. 2012. № 6. С. 26–57.
- Редин, Дмитрий Алексеевич; Серов, Дмитрий Олегович. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 2. С. 471–502.
- Успенский, Борис Андреевич. Петр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3. Москва; Санкт-Петербург: Институт славяноведения РАН; Нестор-История, 2014. С. 209–250.

Филошкин, Александр Ильич. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: Какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. No. 2. С. 569–590.

Ченцова, Вера Георгиевна. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658. Документы. Москва: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2004. 176 с.

Чеснокова, Надежда Петровна. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. (По документам Российского государственного архива древних актов). Москва: Индик, 2011. 287 с.

Information about the article

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. FEUZ-2020–0056 «Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies».

Author: Sokolov, Sergei Vasilievich — PhD in History, Senior Research Fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Head of the Department of Russian History, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, Orc ID 0000-0002-2647-7355, Scopus ID 57216872858, SPIN-code 4691-5112, e-mail: srg.sokolov@gmail.com

Title: «Orthodox Greek Emperors have had this many times»: Byzantine example in legislative acts, panegyric and historical-political writings in Russia, late 17th – first quarter of the 18th century

Summary: The article examines the use of examples from Byzantine history to explain current and historical events in Russia at the end of the 17th – first quarter of the 18th century. The usage of historical examples to clarify the meaning of events is one of the most common explanatory strategies. The source base of the research is mainly composed of panegyric literature, legislative acts, preparatory legislative documents, works of a historical and political nature. The history of Byzantium was well known in Russia at the end of the 17th century, however, the frequency of examples from Byzantine history was much inferior to the biblical and ancient ones. The article shows that in the studied chronological period, Byzantium was known to Russian authors mainly under the name «Greek Tsardom», the history of which dates back to the era of Emperor Constantine the Great. The name of this emperor and other emperors of early Byzantium (late Rome) were often mentioned as an example in the texts of the late 17th – first quarter of the 18th century. The article analyzes the use of facts from Byzantine history to clarify legislative acts, build historical analogies for Russian tsars, primarily Peter I. The role of the Byzantine example in the situation of Peter's acceptance of the imperial title is also shown, as well as the application of the fall of Byzantium as political notation.

Keywords: Byzantium, Peter I, baroque, empire, legislation, panegyrics, Vizantium cultural influence, medieval studies, medieval Russian culture, cultural studies

References:

Ageeva, Olga Genievna. Titul «imperator» i ponyatie «imperiya» v Rossii v pervoy chetverti XVIII v. [The title «emperor» and the concept of «empire» in Russia in the first quarter of the 18th century], in *Mir istorii*. 1999. No. 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (last visited — August 31, 2021). (in Russian).

Alekseeva, Nadezhda Yuryevna. *Russkaya oda: Razvitie odicheskoy formy v XVII–XVIII vv.* [*Russian Ode: The development of the odic form in the 17th–18th centuries*]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 369 p. (in Russian).

Anisimov, Evgeniy Viktorovich (ed.). «Moskva i Novgrad edina derzhava Bozhiya»: *Novgorodskiy mitropolit Iov i ego perepiska kontsa XVII – nachala XVIII v.* [«Moscow and Novgorod are one power of God»: *Novgorod Metropolitan Job and his correspondence from the end of the 17th to the beginning of the 18th century*]. Velikiy Novgorod, 2009. 231 p. (in Russian).

Artemyeva, Tatyana Vladimirovna. Ideya istorii v Rossii XVIII v. [The idea of history in Russia in the 18th century], in *Filosofskiy vek*. Almanakh. Issue 4. St. Petersburg: St. Petersburg Center for the History of Ideas Publ., 1998. 267 p. (in Russian).

Belobrova, Olga Andreevna. Motiv «Rimskie kesari» — praviteli Vizantii v drevnerusskoy literature v posledney treti XVII v. [The motive «Roman Caesars» — the rulers of Byzantium in Old Russian literature in the last third of the 17th century], in *Vizantiyskie ocherki*. Trudy sovetskikh uchenykh k XVI mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. Moscow: Nauka Publ., 1982. Pp. 234–245. (in Russian).

Belobrova, Olga Andreevna (ed.). *Nikolay Spafariy. Esteticheskie traktaty [Nikolay Spafariy. Aesthetic treatises]*. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 160 p. (in Russian).

Bugrov, Konstantin Dmitrievich; Kiselev, Mikhail Aleksandrovich. *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeyskogo vliyaniya v rossiyskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII v.* [*Natural law and virtue: The integration of European influence into 18th century Russian political culture*]. Ekaterinburg: Ural University Press, 2016. 480 p. (in Russian).

- Bugrov, Konstantin Dmitrievich; Sokolov, Sergey Vasilyevich. Respublika mechey ili trgovovaya respublika? Rossiyskaya istoricheskaya mysl' XVIII – nachala XIX v. o voennoy moshchi respublikanskogo Novgoroda [A military republic or trading republic? The position of Russian historiography between the 18th and early 19th centuries on the Republic of Novgorod's military might], in *Cahiers du Monde Russe*. 2018. Vol. 59/1. Pp. 93–116. (in Russian).
- Bulanin, Dmitriy Mikhaylovich. *Antichnye traditsii v drevnerusskoy literature XI–XVI vv.* [Ancient traditions in ancient Russian literature of the 11th–17th centuries]. München: Otto Sagner Publ., 1991. (Slavistische Beiträge. Bd 278). 468 p. (in Russian).
- Chentsova, Vera Georgievna. *Vostochnaya tserkov' i Rossiya posle Pereyaslavskoy rady. 1654–1658.* Dokumenty [Eastern Church and Russia after Pereyaslav Rada. 1654–1658. The documents]. Moscow: Moscow Lomonosov State University Press, 2004. 176 p. (in Russian).
- Chesnokova, Nadezhda Petrovna. *Khristianskiy Vostok i Rossiya: Politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeystvie v seredine XVII veka.* (Po dokumentam Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov) [Christian East and Russia: Political and cultural interaction in the middle of the 17th century. (Based on the documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)]. Moscow: Indrik Publ., 2011. 287 p. (in Russian).
- Diyanov, Konstantin Sergeevich. *Polemika grekofilov i latinstvuyushchikh v posledney chetverti XVII v.* [The controversy between the Grecophiles and the Latinists in the last quarter of the 17th century]: Thesis for a PhD in History degree. Omsk, 2014. 243 p. (in Russian).
- Filyushkin, Aleksandr Ilyich. «Mobilizatsiya Srednevekovaya» kak poisk identichnosti: Kakimi putyami Belorussiya khochet uyti ot istoricheskogo naslediya Rossiyskoy imperii i SSSR [«The Mobilisation of Middle Ages» as a search for identity: How Belarus wants to leave behind the historical heritage of the Russian Empire and the USSR], in *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. No. 2. Pp. 569–590. (in Russian).
- Grebenyuk, Vasilij Petrovich; Derzhavina, Olga Aleksandrovna (eds). *Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni: Issledovaniya i teksty* [Panegyric literature of Peter's time: Studies and texts]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 313 p. (in Russian).
- Knabe, Georgiy Stepanovich. *Russkaya antichnost'. Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture Rossii* [Russian antiquity. Content, role and fate of the ancient heritage in the culture of Russia]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2000. 240 p. (in Russian).
- Kozlova, Mariya Igorevna. *Retseptsiya antichnosti v istoricheskoy mysli XVIII veka (opyt M. M. Shcherbatova)* [The reception of antiquity in the historical thought of the 18th century (the experience of M. M. Shcherbatov)]: Thesis for a PhD in History degree. Kazan, 2011. 218 p. (in Russian).
- Krotov, Pavel Aleksandrovich. *Osnovaniye Sankt-Peterburga: Zagadki starinnoy rukopisi* [Founding of St. Petersburg: The mysteries of an old manuscript]. St. Petersburg: Historical illustration Publ., 2006. 160 p. (in Russian).
- Kuznetsova, Olga Aleksandrovna; Chentsova, Vera Georgievna; Shamin, Stepan Mikhaylovich. Russkie perevody elogiuma Khristiana Bornmanna: Velikoe posol'stvo Petra I i literatura [Russian translations of Christian Bornmann's eulogium: The Great Embassy of Peter I and literature], in *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016. No. 2. Pp. 111–125. (in Russian).
- Kurbatov, Georgiy Lvovich. *Istoriya Vizantii (Istoriografiya)* [History of Byzantium (Historiography)]. Leningrad: Leningrad University Press, 1975. 256 p. (in Russian).
- Lappo-Danilevskiy, Aleksandr Sergeevich. *Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli XVII–XVIII vv.* [History of Russian social thought of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 292 p. (in Russian).
- Lotman, Yuriy Mikhaylovich; Uspenskiy Boris Andreyevich. Otvzuki kontseptsii «Moskva – tretiy Rim» v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoï traditsii v kul'ture barokko) [Echoes of the concept «Moscow – the Third Rome» in the ideology of Peter the Great (On the problem of medieval tradition in baroque culture)], in *Khudozhestvennyy yazyk srednevekovaya*. Moscow: Nauka Publ., 1982. Pp. 236–249. (in Russian).
- Martynyuk, Aleksey Viktorovich. Istoriya Srednevekovoy Rusi: Ot politicheskoy instrumentalizatsii i konservativizma akademicheskoy traditsii k aksiologicheskomu ponimaniyu [The history of Medieval Rus': From political instrumentalization and conservatism of the academic tradition to axiological comprehension], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. No. 1. Pp. 25–38. (in Russian).
- Martynyuk, Aleksey Viktorovich. «Velikiy raskol» vostochnoslavianskoy medievistiki: Sem' tezisev k diskussii [«The Great Schism» of Eastern Slavic Medieval Studies: Seven theses for discussion], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. No. 1. Pp. 146–153. (in Russian).

- Nikolozzi, Riccardo. *Peterburgskiy panegirik XVIII veka: Mif — ideologiya — ritorika* [*Petersburg panegyric of the 18th century: Myth — ideology — rhetoric*]. Transl. M. N. Zharova, ed. K. A. Bogdanov. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2009. 216 p.
- Panchenko, Aleksandr Mikhaylovich. Dva etapa russkogo barokko [Two stages of the Russian baroque], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, 1977. Vol. 32. Pp. 100–106. (in Russian).
- Pogosyan, Elena Anatolyevna. *Petr I — arkhitektor rossiyskoy istorii* [*Peter I — the architect of Russian history*]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB Publ., 2001. 424 p. (in Russian).
- Ramazanova, Dzhamilya Nurovna. Sochineniya Ioannikiya i Sofroniya Likhudov «Plach svyatyaya Khristovy Vostochnye tserkve» [The works of Ioannikiy and Sophrony Likhudov «Lamentations of the Holy Christ in the Eastern Churches»], in *Rossiya i khristianskiy Vostok*. Issue IV–V. Moscow: Languages of Slavic culture Publ.; Znak Publ., 2014. Pp. 648–659. (in Russian).
- Ranchin, Andrei Mikhailovich. K istolkovaniyu teorii «Moskva – Tretiy Rim» v russkoy kul'ture Novogo vremeni [To the interpretation of the theory «Moscow – the Third Rome» in the Russian culture of the Modern Era], in *Rossiya XXI*. 2012. No 6. Pp. 26–57. (in Russian).
- Redin, Dmitriy Alekseevich; Serov, Dmitriy Olegovich. Vtoroe puteshestvie Petra Pervogo v Evropu v pis'makh barona P. P. Shafirova knyazyu A. D. Menshikovu (1716–1717) [Peter the Great's second voyage to Europe in the letters of baron P. P. Shafirov to prince A. D. Menshikov (1716–1717)], in *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. No. 2. Pp. 471–502. (in Russian).
- Uspenskiy, Boris Andreevich. Petr Perviy i pereosmyslenie ponyatiya imperii [Peter the Great and rethinking the concept of empire], in *Fakty i znaki: Issledovaniya po semiotike istorii*. Issue 3. Moscow; St. Petersburg: Institute of Slavic Studies (RAS) Press; Nestor-Istoriya Publ., 2014. Pp. 209–250. (in Russian).
- Vilinbakhov, Georgii Vadimovich. Osnovanie Peterburga i imperskaya emblematika [Founding of St. Petersburg and imperial emblems], in *Trudy po znakovym sistemam*. Issue 18. Tartu: Tartu state university, 1984. Pp. 46–55. (in Russian).
- Zhivov, Viktor Markovich. Kul'turnye reformy v sisteme preobrazovaniya Petra I [Cultural reforms in the system of transformations of Peter I], in *Iz istorii russkoy kul'tury*. Vol. III. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 1996. Pp. 527–583. (in Russian).
- Zhivov, Viktor Markovich; Uspenskiy, Boris Andreevich. Tsar' i Bog (Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii) [Tsar and God (Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia)], in Uspenskiy, Boris Andreevich. *Izbrannye trudy*. Vol. I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 1996. Pp. 205–337. (in Russian).
- Zorin, Andrey Leonidovich. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [*Feeding the two-headed eagle... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th century*]. Moscow: New Literary Review Publ., 2001. 416 p. (in Russian).